

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2017 – № 2

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
THE EUROPEAN COUNTRIES'
POLITICAL ELITES**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №2 / 2017**

«Агентство научных изданий»

2017

УДК 327.8
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2017 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2017 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Анализируются процессы формирования и функционирования элитных групп в Западной и Восточной Европе, России. Исследуются национальные особенности рекрутирования, карьерные траектории, социальный профиль европейских политических элит, их взаимодействие с другими элитными группами.

УДК 327.8
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
Трансформация постсоветских политико-административных элит	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Актуальные проблемы Европы № 2 / 2017.

Политические элиты европейских стран

Сведения об авторах

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Avdonin V.S. – Leading researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (avdinunvla@mail.ru)

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Bitkova T.G. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (Philology). (tgbitkova@mail.ru)

Вершинина Дарья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).

Vershinina D.B. – Assistant Professor, Perm State University, Ph.D. (History). (daryapros@yandex.ru)

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Gordon A.V. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (gordon_alexandr@mail.ru)

Дука Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Duka A.V. – Head of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute, RAS (St. Petersburg), Ph.D. in Politics. (a_duka@mail.ru, alexander-duka@yandex.ru)

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lapina N. Yu. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics). (lapina_n@mail.ru)

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Lykoshina L.S. – Principal researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (lykoshina.lara@yandex.ru)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Khenkin S.M. – Professor of political science in MGIMO University, Leading researcher, INION RAS, Doctor of Historical sciences (Sc.D. in History). (sergkhenkin@mail.ru)

Хоффманн-Ланге Урсула – доктор политических наук, профессор политологии, Университет г. Бамберга (ФРГ).

Hoffmann-Lange Ursula – Professor of political science in Otto-Friedrich-University of Bamberg, Doctor of political sciences. (Ursula.hoffmann-lange@uni-bamberg.de)

Щербакова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Scherbakova Yu.A. – Senior researcher, INION RAS, Ph.D. (History). (juli.bak@mail.ru)

Введение

Политическая элита – это высший, привилегированный класс, который осуществляет функцию управления в обществе. Ее представители вырабатывают, принимают политические решения и контролируют их исполнение. У политической элиты есть и другие функции. Элиты, писал К. Мангейм, выступают в качестве агентов стабилизации и институционализации¹. Обладая знаниями и компетенцией, политическим видением и ресурсами, они формируют общественные институты. «Институционализирующий институт» общества – так элиты определяются российскими социологами, которые особое внимание уделяют той роли, которую политические акторы играют в процессе формирования институтов и норм, по которым живет социум². Характер политической элиты и ее особенности, механизмы формирования, карьерные траектории, бассейны рекрутирования определяют характер социальной мобильности, свидетельствуют об открытости или закрытости общества, его способности или неспособности к динамичному развитию. Анализируя деятельность элиты, мы лучше понимаем, как трансформируется социум, изменяются существующие и создаются новые политические институты.

Настоящий выпуск «Актуальных проблем Европы» посвящен элитам современной Европы. Авторы интересовались, что собой представляют политические элиты европейских стран и как они функционируют. В статье представлен опыт стран с развитыми демократическими институтами и традициями (ФРГ, Франция, Великобритания) и стран, в которых в последние десятилетия происходили глубинные общественные трансформации.

В Испании становление демократических институтов и возникновение новой политической элиты стало возможно после ухода с политической сцены Франко, в Восточной Европе – в результате демократических революций конца XX столетия, в России – после распада СССР (1991). В трансформирующихся обществах политические элиты стали главными акторами переходного периода.

В последние десятилетия и в стабильных, и в трансформирующихся обществах в структуре элиты произошли масштабные изменения. В «старых» демократических странах элита становилась более диверсифицированной по своему социальному составу, она молодела, в ней росло представительство женщин. Многие изменения происходили под влиянием институциональных преобразований. В рамках ЕС в 1975–2006 гг. были утверждены директивы в отношении гендерного равенства. С начала 2000-х годов во Франции, Великобритании, Испании были приняты законы, которые стимулировали продвижение женщин в политику и власть. В последнее десятилетие состав политической элиты Великобритании также обновился за счет этнических и сексуальных меньшинств (статья Д.Б. Вершининой). Странам «новой» демократии еще предстоит преодолеть гендерное и другие виды неравенства.

Для Испании и бывших социалистических стран центральной проблемой последних десятилетий стало формирование «новой» политической элиты и ее взаимоотношения со «старыми» элитными группами. В Испании непримиримым противником – франкистской элите и «новой» политической элите – удалось достичь договоренности. В 1977 г. были подписаны «пакты Монклоа», предполагавшие углубление демократических реформ и ставшие символом национального примирения.

Сопоставляя опыт стран Восточной Европы и России, исследователи приходят к выводу, что в России в процессе постсоветской трансформации позиции номенклатуры оказались

---

¹ Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. – М.: Юристъ, 1994. – С. 313.

² *Региональные элиты Северо-Запада России: Политические и экономические ориентации* / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 53.

достаточно стабильными, а ее представителям удалось сохранить позиции в высшем руководстве страны³. Другого, неноменклатурного пути формирования постсоветской элиты в России не было, поскольку в недрах советского строя альтернативной элиты не существовало⁴. С социальным составом современной элиты исследователи связывают успехи и неудачи общественной трансформации в России, особенности того политического режима, который сложился четверть века спустя после начала реформ.

Для одних авторов «интеграция советской номенклатуры во властные и экономические институты современного российского общества позволила избежать социальных катаклизмов и обеспечила относительную плавность перехода от режима государственного социализма к современному обществу»⁵. Для других номенклатурное происхождение российской элиты и слабое обновление элитного слоя обусловили «незавершенность» российской революции и в целом «трагедию российской демократии»⁶.

Ситуация в странах Восточной Европы напоминает классическое «соперничество элит». Давление со стороны оппозиции и гражданского общества способствовало значимому обновлению элитного слоя. В Польше и Чехии еще в советское время сформировалась влиятельная альтернативная элита. В результате демократических революций ее представители получили доступ к власти. В восточноевропейских странах номенклатуре, даже если и удавалось удерживать элитные позиции, нередко приходилось менять «амплуа», конвертируя политический капитал в экономический. Ограничением на пути возвращения бывших партийных функционеров и руководителей органов госбезопасности в органы государственной власти стали законы о люстрации (Чехия, Польша, Венгрия, ФРГ – применительно к восточным землям).

При этом взаимоотношения «новой» и «старой» элит в странах Восточной Европы носили в основном консенсусный характер. В Румынии «новая» элита «вобрала» в себя реформаторски настроенную номенклатуру коммунистической партии, бывших руководителей социалистической экономики. В ее состав вошли диссиденты и известные деятели культуры (статья Т.Г. Битковой). Парадоксальная ситуация сложилась в Чехии. Несмотря на сильные антикоммунистические настроения и наличие диссидентского движения, в стране сохраняется влиятельная коммунистическая партия. Ее представители заседают в парламенте Чешской Республики, они сильны в органах власти на местах. Этот феномен поражает исследователей, которые не всегда могут дать ему адекватную оценку (статья Ю.А. Щербаковой).

Особый вариант элитной трансформации пережила ГДР. Объединение Германии происходило «под знаком западногерманского доминирования», восточногерманские земли приняли институты, существовавшие в ФРГ (статья У. Хоффманн-Ланге). На элитном уровне наблюдался феномен, который в ФРГ получил наименование «элитного трансфера». Из-за нехватки подготовленного персонала в восточногерманские земли направлялись западногерманские руководящие кадры второго уровня. Говорить о том, что соединение двух элит носило консенсусный характер не приходится, поскольку в восточных землях эта политика была воспринята как «западная колонизация». Острее всего ее ощутили на себе политики, представители СМИ, лица, занятые в сфере общественных наук.

В Польше возникла элита, в которую вошли представители «новых» и «старых» элитных слоев. Несмотря на неоднородность, ее представителей объединяло признание «общих правил игры» в политике. Однако уже к 2005 г. идея компромисса с коммунистами была поставлена

---

³ Еришова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т.И., Арутюнян Л.А. – М., 1994. – С. 151–155.

⁴ Berelovitch A. Les élites politiques en Russie: Changement et continuité // Ex-URSS: Les Etats en divorce / Sous la dir. de R. Berton-Hogge, M.-A. Crosnier. – P., 1993. – P. 77–89.

⁵ Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты / РАН. ИНИОН. – М., 1995. – С. 54.

⁶ Росс К. Федерализм и демократия в России // Полис. – М., 1999. – № 3. – С. 18.

под сомнение. На выборах победили «бескомпромиссные» политики, которые требуют продолжения радикальных чисток (статья Л.С. Лыкошиной).

Опыт Польши заставляет задуматься не только над судьбой политической элиты. В последнее десятилетие в Польше политика демократизации сменилась традиционалистским поворотом. Пришедшая к власти праворадикальная часть элиты под флагом возвращения к ценностям патриотизма, семьи, церкви стремится к устранению политических конкурентов с государственной сцены.

В России трансформация властной элиты не завершилась. «Это связано с переходными процессами в обществе и сравнительно небольшим временем институционализации новых властных групп». В институциональном и структурном отношении в российской элите доминирующее положение занимает высшая административная элита, осуществляющая авторитарную интеграцию и консолидацию. Как и в ряде других постсоветских стран, в РФ отчетливо просматривается сплетение экономической, административной и политической элит (статья А.В. Дуки).

Национальные и исторические особенности накладывают отпечаток на процессы развития и функционирования элит. Национальная модель элиты сложилась во Франции. По своему характеру она вертикальная: важнейшие решения, включая карьерные, принимаются «наверху» – партийным руководством. Французские политики – долгожители во власти, чему способствовал существовавший до недавних пор механизм совмещения выборных мандатов. Во Франции из элиты не уходят, об этом говорят многие политики, об этом пишут исследователи (статья Н.Ю. Лапиной). И в этом отношении французская элита отличается от немецкой, где три выборных мандата – это своеобразный предел для политика. Британский парламент, несмотря на рост представительства в депутатском корпусе женщин, этнических и сексуальных меньшинств, остается элитарным, закрытым учреждением. Во многих странах подтверждается верность правила, сформулированного Патнэмом: на высших этажах властной иерархии, как правило, оказываются представители привилегированных классов.

Прошлое дает о себе знать и в странах Восточной Европы. Как показывает опыт этих стран, создание новых политических институтов, утверждение демократических процедур далеко не гарантируют *автоматического перехода к демократии*. Исторически утвердившиеся социальные практики оказываются сильнее институтов и сливаются с ними. Румынское общество в начале XXI в. функционировало, как и в годы правления Чаушеску, на основе неформальных отношений. И лишь в самые последние годы в стране развернулась масштабная борьба с коррупцией, которая дает первые результаты.

Страны Западной и Восточной Европы имеют разную историю и традиции. Но есть нечто общее, что их объединяет. С начала XXI столетия в Западной и Восточной Европе остро ощущался кризис политических институтов, росло недоверие к политикам, которых рядовые граждане всё чаще критикуют, считая коррумпированными и эгоистичными. В восточноевропейских странах «усталость от демократии», говоря словами франко-чешского аналитика Ж. Рупника, наступила быстро – потребовалась всего лишь четверть века. Разочарование в демократии отчасти свидетельствует о том, что демократия – это сложный политический механизм, требующий длительных процедур согласования, готовности политических акторов к компромиссам. Утверждение принципов политической демократии зависит от социально-экономического контекста. В послевоенный период демократия в европейских странах утвердилась благодаря тому, что простые граждане смогли воспользоваться плодами государства всеобщего благосостояния. Сегодня экономический кризис становится ощутимым препятствием на пути утверждения демократии в обществе.

Вызовом для демократии в странах Западной и Восточной Европы стало появление на политической арене новых политических движений. Всё чаще в странах «новой» и «старой» демократии на лидерство претендуют популисты, правые националисты. Во многих стра-

нах Европы усиливается восхищение сильными лидерами, растет соблазн управления авторитарными методами. Из этой ситуации существуют разные выходы. В Венгрии, как считает Б. Мадьяр, автор книги «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства», на основе доминирования одной партии возникло «мафиозное государство»⁷, для которого характерны непотизм и клиентелизм. В последние годы в польской политике усилились консервативные тенденции. Но «традиционалистский поворот» вызывает глубокий общественный протест. «В 1990-е годы, – отмечает социолог И. Панков, – поляки восприняли демократию как должное. Сегодня польское общество осознает, что за демократию надо бороться»⁸. В Польше создан Комитет защиты демократии, действуют оппозиционные СМИ, организуются многотысячные митинги в защиту прав человека. В этих условиях судьба европейской демократии во многом будет зависеть от того, удастся ли политической элите сохранить верность «демократическому пакту» и не перешагнуть за красную линию, а обществу отстаивать демократию.

Н.Ю. Лапина

---

⁷ Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии*. – М.: НЛО, 2016.

⁸ Из беседы с автором. – 13.11.2016.

Трансформация постсоветских политико-административных элит

А.В. Дука

Аннотация. Рассматривается проблема институционализации российских элит после крушения государственного социализма. Анализируется институциональный, структурный и персональный аспекты данного процесса.

Abstract. Looking at the institutionalization of Russian elites after the collapse of state socialism in the country, the author analyses the institutional, structural and personal aspects of this process.

Ключевые слова: Россия, властные элиты, институционализация, трансформация, рекрутирование, коррупция, плутократия, олигархия.

Keywords: Russia, power elites, institutionalization, transformation, recruiting, corruption, plutocracy, oligarchy.

Институционализация элит

Проблема трансформации постсоветской элиты тесно связана с процессом возникновения новых институциональных порядков и, соответственно, институционализации новых властных групп в России. Другими словами, властные группы, находясь внутри процесса социальных изменений, вынуждены, подчиняясь потоку исторических изменений, сами изменяться, становясь качественно новыми. Они из социалистической номенклатуры превращаются в элиту современного капиталистического общества и одновременно пытаются не только приспособиться, но и приспособить обстоятельства и общественные (под)системы к своим интересам и своему новому положению. Не все получается, номенклатура несет потери, кем-то и чем-то жертвует. Но как определенная социальная группа, управляющая обществом, она, трансформируясь, выживает и побеждает. В этом отношении дискуссия о циркуляции или воспроизводстве властных элит в процессе постсоциалистического транзита [Szelenyi, Szelenyi, 1995] решается в пользу синтетического подхода. В более традиционном варианте речь может идти о сочетании циркуляции и репродукции (см., напр.: [Higley, Lengyel, 2000]). Мне представляется, что, скорее, обе тенденции выступают сторонами трансформации. Этот процесс в определенной степени объективный, но в нем велико субъективное начало.

Анализ целесообразно начать с определения объекта исследования. Определение элиты Дж. Хигли и М. Бёртона вполне подходит в качестве исходной точки: «Политические элиты могут быть определены как *персоны, способные в силу их стратегических позиций во властных организациях и движениях оказывать влияние на политические результаты регулярно и устойчиво*» [Higley, Burton, 2006, p. 7]. Данное определение содержит характеристики властных групп, функционирующих в сложившемся и воспроизводящемся обществе, что связано с установившимися социальными институтами, структурами и отношениями. Общество, находящееся в процессе кардинальных изменений, не имеет устоявшихся институтов – они только возникают, и группы, стремящиеся контролировать создающиеся институты, стремятся, участвуя в их создании, завладеть ими и закрепиться. Борьба за власть и выживание на вершине становятся существенной доминантой их поведения. Процесс институционализации связан со становлением устойчивости положения и элитных характеристик. Отсюда можно предположить, что объективные *цели персон*, стремящихся к власти и к членству во властном сообществе, будут заключаться в следующем.

Во-первых, *занять* стратегические позиции. В условиях общественной трансформации эта цель реализуется параллельно с созданием новых институтов и, возможно, реформированием существующих. Но в любом случае речь идет о новых институциональных порядках.

Во-вторых, *контролировать* организации и движения. Очевидно, что не все старые организации исчезают. Поэтому активность должна быть направлена на них, а также на создание новых. Альтернативные и неконтролируемые организации и движения для становящейся элиты могут представлять потенциальную опасность, отсюда возникает задача по их ослаблению или уничтожению.

В-третьих, *создать* структуры эффективной деятельности, включая: структурирование социальных, политических, экономических и культурных подсистем с целью привести их в соответствие с интересами, целями и активностью персон и групп, находящихся «наверху»; а также систему подготовки и образования. Это естественным образом связано с тем, что возможное влияние на политические результаты зависит от характеристик общественных (под)систем и индивидов, участвующих в их функционировании.

В-четвертых, *стабилизировать* систему организаций и институтов, наиболее важных с точки зрения принятия решений, их исполнения и контроля, а также правила их функционирования. Помимо этого, необходимо установить формальные и неформальные нормы деятельности политических акторов всех уровней, включая внутриэлитные взаимоотношения.

В-пятых, *обрести союзников* и социально-политическую поддержку у населения и значимых социальных групп. Это в значительной степени связано с представительностью элиты. Дж. Сартори различает три вида представительства: юридическое, социологическое и политическое [Sartori, 1968; Rao, 1998]. Первый предполагает деятельность кого-либо в чьих-то интересах по контракту или мандату. Второй вид связан с приписыванием представительства ввиду принадлежности индивидов к той или иной социальной группе (национальной, профессиональной, половой, возрастной, религиозной и т.п.). Третий, могущий включать предыдущие, связан прежде всего с ответственностью за охрану и реализацию определенных интересов социальных групп. Институционализация (конституирование) представительства интересов социальных групп связана с устойчивым, регулярным отстаиванием, продвижением определенных интересов. И тем самым эти группы получают поддержку, но и властные инстанции, и группы также поддерживаются своими «подопечными».

В-шестых, *легитимизировать* занимаемые позиции и свое место в них. «Объект имеет политическую легитимность, если и только если он морально оправдан в обладании политической властью, где обладание политической властью выступает попыткой использовать монополию (в рамках юрисдикции) в применении и в ведении законов. Характер монополии важен, если мы отделяем политическую власть от простого принуждения» [Buchanan, 2002, p. 689–690]. Для становящихся элит этот принцип имеет принципиальную важность. Тем более это существенно для российской социальной системы, где монополия зачастую воспринимается как естественная характеристика социальных и политических порядков.

Реализация этих целей приводит определенные группы к властным позициям, а также к снижению неопределенности и непредсказуемости в активности политических элит. Это с точки зрения субъективно мотивированных действий. Однако было бы неверно абсолютизировать целерациональные действия и мотивы групп доминирования. Задача может не формулироваться как определенный план. Но в ходе продвижения во власть и закрепления в ней стремящиеся к этому группы и индивиды вынуждены решать изложенные выше задачи. В более общем плане со стороны внешнего наблюдателя процесс институционализации и трансформации новых властных групп может быть рассмотрен в трех аспектах (измерениях): институциональном, структурном, персональном. Существует еще важное культурное измерение, но здесь оно не рассматривается. Содержательно институционализация элит может быть разделена на два больших периода – до 2000 г. и после, что укладывается в логику постсоветской истории.

Фон и контекст

Базовым фактором, влияющим на процессы институционализации властных элит, остается социетальная неопределенность, постепенно снижающаяся в последние годы. Сущностно эта неопределенность характеризуется неустойчивостью и нефиксированностью вектора социального, экономического и политического развития страны на фоне глубокого кризиса и разрушения прежних институциональных и структурных оснований российского общества. При этом постоянно делались заявления о путях развития России со стороны различных групп, осуществлявших и осуществляющих контроль над институтами власти. Суть их сводилась в основном к ориентации на «построение» капиталистического, демократического, социального общества, что, собственно, и зафиксировано в Конституции Российской Федерации. В последние два года ситуация усугубляется сочетанием экономического кризиса и конфронтацией со странами Запада.

В докладе Всемирного банка 2014 г. фиксировалось, что в РФ сохраняются неустойчивость институциональной среды, непоследовательное применение законов и подзаконных актов; глобальные показатели государственного управления (по методике Всемирного банка) демонстрируют слабую эффективность государственной политики [Доклад об., 2014, с. 49–50]. Через два года эксперты отмечали: «Неопределенность экономической политики стала ключевым фактором, сдерживающим инвестиции и потребление» [Доклад об., 2016, с. 57]. Помимо этого, «на фоне падения цен на нефть вскрылись серьезные недостатки действующей модели экономического роста в России», и «перед Россией по-прежнему стоят серьезные структурные ограничения и накопившиеся за долгое время препятствия для повышения конкурентоспособности экспорта» [там же, с. 8–9].

Существует определенный парадокс. Элиты выступают агентами стабилизации, упорядочивания и институционализации [Манхейм, 1994, с. 313; Ахиезер, 1998, с. 346–347; Тоффлер, 1999; см. также: Keller, 1968]. Но, не будучи сами институционализированными, как они смогут стабилизировать ситуацию и систему? В России эта проблема усугубляется длительным состоянием общественной неопределенности и нестабильности, которая фактически длится последнюю четверть века.

Возможный ответ (гипотеза) состоит в том, что в таких условиях стабилизация возможна через ограниченную рецессию. Возврат к некоторым *формам* прошлого и ориентация в процессе рекрутирования во властные структуры на персон, отстаивающих принципы такого *рецессионного (ретроградного) консерватизма*, оказывается наименее затратным для системы. Формальная приобщенность к прошлому, помимо прочего, может в условиях продолжающейся нестабильности выполнять важную функцию легитимации, апеллируя к «положительным» чертам предыдущего состояния общества (среди которых стабильность – наиважнейшая) и забвению признаваемых негативных черт⁹. Необходимый аспект институционализации – приобретение ценности [Хантингтон, 2004, с. 32], как раз и составляет основание легитимности. Причем, вполне вероятно, что в определенной степени для самих элитных групп данный вариант институционализации не является вопросом выбора. «Встреча» системных требований и людской деятельности происходит вполне естественно. Индивиды и система находят друг друга, поскольку взаимодействуя выживают. Именно в связи с этим процессом исследователи характеризуют происходящее как «реноменклатуризацию», «инволюцию» [Трансформация старой..., 1996, с. 291; Магомедов, 1994, с. 112; Podgoreck, 1994].

---

⁹ Кроме того, верно заметил Поль Рикёр: «Общество не может жить в бесконечном гневе против самого себя» [Рикёр, 2004, с. 693–694].

Здесь необходимо сделать некоторые методологические уточнения. Во-первых, «система» здесь рассматривается не персонифицировано и не антропоморфно. Под ней имеется в виду сложившаяся совокупность взаимоподдерживающих институтов, практик, культурных образцов, обеспечивающих воспроизводство социума. В определенном смысле она действует безлично, посредством сложившихся формальных и неформальных норм, включая традиции и обычаи. Одновременно, поскольку институты персонифицированы в ролях, выполняемых конкретными индивидами, система выступает как совокупность организованных (не всегда рефлексирующих по этому поводу) индивидов и групп. Но действие их в значительной степени деперсонифицировано. На уровне обыденного дискурса это может выражаться следующим образом: «сработался – не сработался», «подошел – не подошел», «соответствует – не соответствует» и т.п. Существенным обстоятельством является длительный социально-экономический кризис и его влияние на потенциальный бассейн рекрутирования региональных и федеральных элит.

Помимо этого, существуют и очень важные внешние факторы. В первое десятилетие существования новой России было очевидно стремление властной элиты вписаться в глобальный мировой порядок, не претендуя на первые роли. Эта политика встраивания российских элит в западный мир (глобализационную систему управления) началась еще при М.С. Горбачеве, продолжилась при Б.Н. Ельцине и раннем В.В. Путине. Примерно с 2004 г. ориентация несколько изменилась, что было связано, скорее всего, во-первых, с отсутствием интереса со стороны Запада в интеграции российской элиты и России в евро-атлантическое сообщество на равноправных основаниях и, во-вторых, с недооценкой западными партнерами интересов России и российской элиты на постсоветском пространстве. Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г. явилась своеобразным Рубиконом. Также российские властные группы очень болезненно восприняли активное стремление «демократического Запада» стимулировать изменения во внутренней политике страны. Отечественные элиты остро реагируют на обстановку в государствах – бывших республиках СССР и на действия западных держав. Стремление избежать массовых выступлений – «цветных революций» и страх оказаться слабее Запада в военно-политическом отношении существенно влияют на решения по институциональному дизайну политической сферы. Еще одно обстоятельство усиливает значение внешнего фактора. Это то, что можно было бы назвать смысловым диссонансом. Как отмечает А. Роксборо, «способность русских и американцев говорить наперекор друг другу поражает. Русские не могли понять, почему их поведение дома заставляет соседей бояться их. Американцы и их союзники не смогли увидеть, что русские огорчены навязываемой им ролью потенциального агрессора. Два саммита НАТО 2002 г. были расценены как окончание холодной войны. На самом деле они лишь помогли раздуть ее угли и начать новую. На взгляд из Москвы, старый ”железный занавес“, висевший поперек Европы, оказался заменен новым – и намного ближе к их дому» [Роксборо, 2012, с. 117]. В 2010-х годах процесс, получивший название «национализации элит», усилился и принял форму государственной политики. В последнее время обострение отношений с Западом в связи с кризисом на Украине, а также в связи с геополитическим столкновением на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, привело к принятию ряда изоляционистских мер и дальнейшей авторитаризации российского политического режима.

Институциональное измерение

В институциональном отношении трансформация российской элиты была связана с тремя кардинальными институциональными изменениями: во-первых, переходом от монополии коммунистической партии к советской республике в 1991 г., во-вторых, переходом от советской парламентской республики к президентской республике в 1993 г. и, в-третьих, трансформацией президентской республики в суперпрезидентскую республику в начале 2000-

х годов. В ходе этих институциональных переходов шла острая борьба фракций элит за институциональный дизайн и доступ к ресурсам.

Завершившаяся монополия КПСС на власть как результат неудавшегося путча августа 1991 г. привела к краткосрочному периоду парламентской советской республики. Однако от «чистой» советской власти возникший режим отличался наличием претендующей на главенство административной вертикали во главе с президентом. Проблема заключалась в претензии представительной власти, Советов, быть основным властным институтом и по Конституции, и в реальности. Президент, опираясь на тот же источник власти – народ, стремился обосновать свою большую, чем парламент, легитимность. В период обострения отношений между президентом и Верховным Советом осенью 1992 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Пора власть употребить. И действовать». На вопрос главного редактора «АиФ»: «Но ведь существуют законы, действующая, хотя и старая, Конституция?» – президент ответил: «Я давал клятву НАРОДУ служить. Народу, а не кому-то еще...» [Ельцин, 1994, с. 193]. Здесь примечательно, что законы рассматриваются как нечто вторичное и неважное, фактическая легитимация произвола осуществляется через апелляцию к народу, от которого получен мандат на правление – типично популистский дискурс. Аналогичная ситуация сложилась и в части российских регионов. Конфронтация Советов и администраций дополнялась вмешательством представителей президента. Надо отметить, что далеко не всегда legislatures и главы администраций представляли разные политико-идеологические лагеря. В большинстве регионов администрация и депутаты были в прошлом членами Коммунистической партии, часть из них принадлежала к номенклатуре. Верховный Совет и его руководство были сторонниками Б.Н. Ельцина в его противостоянии путчу и союзным властям, включая М.С. Горбачева. В основе конфликта был вопрос о распоряжении общественными ресурсами. Формой его разрешения стала игра с нулевой суммой. Логика и существо конфликта между союзным центром и М.С. Горбачевым, с одной стороны, и российской республиканской властью и Б.Н. Ельциным, с другой стороны, воспроизвелись в Российской Федерации. В дальнейшем в различных вариантах борьба за ресурсы при политическом уничтожении оппонентов стала главным элементом российской политики. Основанием такого положения была фундаментальная характеристика советской политической культуры, берущая начало в революционной бескомпромиссности. Д. Лэйн в связи с этим обстоятельством отмечал: «В отличие от демократического перехода, основывающегося на переговорах, коллапс СССР явился следствием фрагментированной и сильно разделенной политической элиты, у которой не было политического и морального единства» [Lane, 1996, p. 4]. Что и породило особенности формирования новых властных групп.

Подавление путча создало предпосылки государственного переворота, совершенного в этом же году частью республиканских элит и закончившегося распадом Советского Союза. Однако этот акт был не вполне завершенным. Ельцину его сторонники предлагали сразу же распустить Советы и провести выборы в новые представительные органы власти. Однако это создавало слишком сильную неопределенность. Не было очевидно, что новые legislatures, получив «демократическую» легитимацию, поддержат президента и предлагаемые им реформы, тем более что еще в августе 1991 г. указом главы государства была установлена должность руководителя администрации региона России (край, область, автономная область, автономный округ). Главы администраций заменили председателей исполнительных комитетов Советов народных депутатов. Логика введения нового института была прозрачна – обеспечить контроль над ресурсами и элитами регионов. В 1991–1993 гг. главы администраций регионов назначались президентом России, кандидатуру главы администрации должен был одобрить Совет народных депутатов региона. Исключение существовало для избранных мэров Москвы и Санкт-Петербурга, а также для глав республик в составе Федерации. Также в каждом регионе в соответствии с распоряжением президента Российской Федерации от 2 сентября 1991 г. назначался представитель президента РСФСР.

Пятый съезд народных депутатов РСФСР 28 октября наделил Ельцина «чрезвычайными полномочиями» для проведения реформ сроком до 1 декабря 1992 г. Президент совмещал функции председателя правительства, его указы приравнивались к законам. Попытка продлить полномочия в конце 1992 г. привела к острому конфликту с парламентом, который с трудом удалось погасить благодаря посредничеству председателя Конституционного суда.

Одним из принципиальных решений по усилению контроля над обществом в духе советского централизма был Указ № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» от 19 декабря 1991 г., которым упразднились Министерство внутренних дел РСФСР и Агентство федеральной безопасности РСФСР. Создание силового суперминистерства встретило сильную оппозицию в Верховном Совете и среди демократической общественности. Новая институция очень походила на НКВД при Сталине и Бери. Группа депутатов направила ходатайство в Конституционный суд, который 14 января 1992 г. признал указ президента не соответствующим Конституции. На следующий день указ был отменен.

Стремление централизовать власть и обеспечить монополию элитным группам, оказавшимся у власти, наталкивалось на противодействие не только на федеральном уровне. Далеко не везде представители президента реально участвовали в принятии существенных решений. Региональные элиты также выстраивали свою властную иерархию, используя схожие с центром методы.

Конфликты с региональными элитами и слабость центральной власти привели к подписанию 31 марта 1992 г. Федеративного договора между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий. Некоторые регионы добились значительных уступок со стороны федерального центра, провозгласив суверенитет в рамках существующего государства (по аналогии с союзными республиками в СССР). Особенно территориальная фрагментация политического пространства усилилась во второй половине 1990-х годов. Именно в это время очень много говорили и писали о регионализации России, возможной конфедерализации и даже распаде. Эти сюжеты даже вошли в отечественные учебники по политологии того времени. Центральная власть не могла воспрепятствовать достаточно свободному поведению региональных элит¹⁰.

Внутри федеральной элиты существовали централизаторские устремления, противодействующие автономизации региональных элит. Показательно, что, после того как в середине 1998 г. В.В. Путин возглавил Комиссию при президенте России по подготовке договоров о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и субъектами Российской Федерации¹¹, ни один договор подписан не был (см.: [Костин, 2010, с. 76]). До этого времени были подписаны договоры с 46 субъектами Федерации [Договоры...].

В условиях сильной политической и социальной неопределенности доминирующие группы пытались *структурировать российское политическое пространство*. В основном это были попытки создать подконтрольные новой власти общественные и партийные структуры, что усилило бы позиции групп доминирования. Еще в ноябре 1991 г. Б.Н. Ельцин и представители пяти демократических партий подписали Протокол о намерениях. По нему предполагалось, что партии будут оказывать администрации поддержку, а та, в свою очередь, будет консультироваться по важным вопросам политики. Однако со стороны президента данная договоренность не выполнялась. В январе 1992 г. правительство издало указ о создании «Общественного комитета российских реформ». Деятельность его так ничего и не дала. В феврале произошла ничем не завершившаяся первая попытка создания президентской партии.

---

¹⁰ О моделях поведения региональных элит, их структурировании, взаимоотношении с Центром в контексте рассматриваемых здесь проблем см. весьма значимые работы: [Лапина, Чирикова, 1999; Лапина, Чирикова, 2000].

¹¹ Комиссия существовала с 20.07.1994 по 08.08.2001.

В марте президент выпустил обращение с призывом созвать Собрание граждан Российской Федерации в поддержку реформ. В апреле прошло собрание в Москве и ряде городов, но эти начинания не получили организационного продолжения. Тогда же новые элиты решили вернуться к идее создания президентской партии, но уже на базе существующей организации – Союза ветеранов Афганистана, который насчитывал 450 тыс. членов. Опять неудача. В июле в Москве собирается Форум сторонников реформ, приходят члены правительства, но партия вновь не создается. Эти попытки довольно показательны, поскольку нет широкой социальной базы, нет единства ни в элите, ни в потенциальных группах поддержки.

После государственного переворота сентября-октября 1993 г. (расстрел и разгон парламента – Верховного Совета) структурирование российского политического пространства продолжилось. В декабре 1993 г. была принята новая Конституция, которая закрепила в стране президентскую республику¹². Некоторые исследователи рассматривают эти события как шаги Ельцина и его окружения по «закрытию» элиты [Крыштановская, 1995, с. 59]. Однако выборы в Государственную Думу, проведенные вместе с референдумом о Конституции, показали, что реальный политический процесс новыми элитами контролируется не полностью. Было несколько попыток Ельцина и его окружения стать здесь основным актором. В апреле 1995 г. Ельцин объявил, что он дал поручение председателю Госдумы и премьер-министру создать два блока – левоцентристский и правоцентристский соответственно. В результате появилось движение «Наш Дом – Россия». В мае В.В. Путин, бывший в то время первым заместителем председателя правительства Санкт-Петербурга, стал «по должности» организатором и руководителем регионального отделения. В результате думских выборов 1995 г. движение завоевало 10% голосов. Этому проекту не суждено было долго жить. Партия власти так и не получилась. На выборах 1999 г. в III Думу НДР получил лишь 1,19% голосов. Длительное существование проправительственных организаций на этом этапе было невозможным. Элита оказывалась без важной организационно-политической поддержки.

Существенным для анализа институциональных реформ является стремление части новой российской элиты в том или ином виде восстановить монархию. Монархическое движение в постсоветской России достаточно разнородно и в нем нет единства. В связи с этим монархический публицист В. Невярович особо подчеркивает «необходимость строгого разграничения святомонархистов от монархистов вообще (т.е. выступающих только лишь за единодержавие и сильную централизованную власть), а также от монархистов-соборян (соборников), монархистов-конституционалистов, выступающих за декоративную конституционную форму монархии, монархистов альтернативного толка и прочих «монархистов», а также от так называемых «непредрешенцев» («что Бог пошлет, та власть и будет»») [Невярович, 2004, с. 2]. Разные элитные группы пытались ориентироваться на различные течения внутри этого движения. Одним из первых активность в этом направлении проявил еще в 1991 г. мэр Санкт-Петербурга и сопредседатель Межрегиональной депутатской группы Съезда народных депутатов СССР А.А. Собчак, затем включились и другие политики [Бармин, 2013]. В 1993–1997 гг. Б.Н. Ельцин и его окружение также рассматривали возможность реставрации в России монархии с провозглашением царем одного из членов Российского императорского дома в эмиграции – правнука Великого князя Кирилла Владимировича – Георгия Михайловича. В 1994 г. председатель Совета Федерации В.Ф. Шумейко заявил в телеинтервью о возможности такого решения, которое было бы благом для страны [Невский, 2013]. Б.Н. Ельцин при таком развитии событий мог стать регентом. Таким образом, проблема неопределенности выборов вполне «легитимно» снималась [Платонов, 1997; Лебедев, 2010]. Одновременно, как отмечалось в прессе, данный проект имел своей стратегической целью «всемерное сращивание лиде-

---

¹² В экспертном сообществе существовали предположения о фальсификации результатов референдума. См., напр.: [Собянин, Суховольский, 1995].

ров новой демократической России с царской семьей и затыкание таким образом ртов особенно активным национал-патриотам» [Панорама..., 1996]. В это время вопрос о возможности монархии активно обсуждался в связанных с властными элитами СМИ (см. об этом: [Минкин, 1997]). Символическое захоронение останков Николая II, членов его семьи и приближенных в Санкт-Петербурге в Петропавловской крепости 17 июля 1998 г. подкрепляло легитимацию реставрации монархии.

В последующем к этой теме возвращались политики и публицисты [Кувалдин, 2004; Пестрецова, 2005]. В интервью губернатор Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко сказала: «По менталитету русскому человеку нужен барин, царь, президент... Словом, единоначалие» (цит. по: [Ванденко, 2004]). Очередной всплеск интереса властной элиты к реставрации монархии возник в 2010-е годы. Но кандидатуры в возможные цари были уже другие. Непосредственным поводом было празднование 400-летия дома Романовых [Зубков, Полунин, Пряников, 2011; Боханов, 2011; Невский, 2013]. Кризис во взаимоотношениях с Западом и экономические трудности дали новый импульс. Лидер Либерально-демократической партии России В.В. Жириновский заявляет: «Она [Россия] себя плохо чувствует в формате республики» [Встреча..., 2014], «Только монархия нас спасет» [Из выступления..., 2014; Zhirinovsky wants..., 2014]. Социологические опросы показывают, что в обществе существуют монархические ориентации, но они не очень распространены. Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в сентябре 2006 г., в случае проведения референдума 10% опрошенных проголосовали бы за восстановление монархии. В то же время «за монархию в России» и «в принципе не против монархии» уже – 22, а в Москве и Санкт-Петербурге таких ориентаций придерживался 31% респондентов [Пресс-выпуск..., 2006]. Мартовский опрос ВЦИОМа 2013 г. выявил 28% монархистов. Причем, 13% считали, что царя надо искать среди российских политиков или общественных деятелей, а не среди потомков Романовых [Пресс-выпуск..., 2013]. По данным Левада-центра, за восстановление монархии в России «определенно да» и «скорее да» в апреле 2013 г. высказались 10% опрошенных [Россияне о..., 2013]. Можно предположить, что сравнительно низкий запрос на монархию среди населения страны является сдерживающим фактором для монархически настроенной части властной элиты. Это, скорее всего, чувствуют и основные претенденты на корону – члены бывшего императорского дома. Помимо этого, существует и конкуренция внутри семьи Романовых (см.: [Воловатов, Казанцева, 2015; В Объединении..., 2015; Дом Романовых..., 2015]). Вместе с тем ориентации на царство влияют на выстраивание авторитарных институтов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.